

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705
УДК 821.161.1-1

Научная статья / Research article

Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой

Д.Н. Корочкина, А.Г. Коваленко

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

 ak-taurus@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о гендерном аспекте современной прозы. Проблема «женской прозы» существует достаточно давно, полемика о самостоятельном статусе этого понятия также имеет свою историю, впрочем, не получившую окончательного решения. Авторы исследования предлагают решение этого вопроса, выделяя несколько принципиально важных маркеров феминного дискурса, опирающихся на три базовые основания: тип письма, картина мира, изображение личности. Осуществлен анализ прозы известной современной писательницы Е. Некрасовой, позволяющий выделить дифференциальные признаки указанного дискурса: реноминация, фольклорные приемы, отказ от бинарных оппозиций, эллиптичность языка и особая поэтичность художественной речи, включающая несколько ключевых приемов.

Ключевые слова: гендерный аспект, женская проза, феминный дискурс, Евгения Некрасова

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23 августа 2022 г.; откорректирована 5 сентября 2022 г.; принята к публикации 1 октября 2022 г.

Для цитирования: Корочкина Д.Н., Коваленко А.Г. Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 695–705. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705>

Feminine discourse in the works of Evgeniya Nekrasova

Daria N. Korochkina, Alexander G. Kovalenko

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

 ak-taurus@mail.ru

Abstract. The authors deal with the issue of the gender aspect of modern prose. The problem of “women's prose” has existed for a long time, the controversy of the independent status of this concept also has its own history, however, has not received a final solution. The authors

© Корочкина Д.Н., Коваленко А.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the study propose their solution to this issue, highlighting several fundamentally important markers of feminine discourse, based on three basic foundations: the type of writing, the picture of the world, the image of personality. The analysis of the prose of the famous modern writer E. Nekrasova carried out in this study allows us to identify the differential features of this discourse: renomination, folklore techniques, rejection of binary oppositions, ellipticity of language and special poetry of artistic speech.

Keywords: gender aspect, women's prose, feminine discourse, Evgenia Nekrasova

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 23, 2022; revised September 5, 2022; accepted October 1, 2022.

For citation: Korochkina, D.N., & Kovalenko, A.G. (2022). Feminine discourse in the works of Evgeniya Nekrasova. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 695–705. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705>

Введение

По мере того, как в современной литературе увеличивается количество писательниц, все более острым становится вопрос о статусе женской прозы. Дискуссии о женской прозе возникали с неизменным постоянством здесь и там, в различных читательских и научных аудиториях. Однако научного обоснования понятие до сих пор так и не получило. Однажды возникнув, это понятие обросло огромным количеством различных мнений как простых читателей, так и профессионалов-психологов, социологов, философов и, конечно, литературоведов. Круг нерешенных вопросов сводится к нескольким наиболее принципиальным: каково содержание понятия «женская проза», занимает ли оно особое специфическое место в литературном процессе, что скрывается за понятием женской прозы, обладает ли это явление набором дифференциальных признаков, позволяющих его идентифицировать и отделить от «маскулинного письма»?

В отечественном литературоведении имеется немало работ, в которых предпринимались попытки осмысления феномена. Одной из наиболее примечательных является статья Е.В. Широковой «В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века». Затрагивая вопрос о специфических художественных особенностях прозы женщин, она отмечает, что российская литературная критика и литературоведение «отстало» от западного в подходе к феномену женской прозы, между тем как «феминный текст» как особый тип словесного творчества и самостоятельный объект исследования уже давно анализируется европейскими учеными – С. де Бовуар, Э. Сиксу, Л. Иригарэ, Э. Шоуолтер, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др. (Широкова, 2011, с. 90).

Вопрос о природе феминного мировосприятия и его художественного воплощения следует считать актуальной литературоведческой проблемой

Обсуждение

Евгения Некрасова и ее «женское письмо»

В современной прозе Е. Некрасова занимает особое место, благодаря неожиданности и уникальности ее образов, особой манере рассказывания, глубинной связи с традициями классической литературы. Тем более инте-

ресным представляется применение гендерного подхода и рассмотрение вопроса о феминном дискурсе именно на примере ее прозы.

Тематическая направленность, связанная с женским миром, позволяет легко отнести роман «Калечина-Малечина» и сборник «Сестромам» к женской прозе, следуя гендерному подходу. Симптоматично, что манера письма Е. Некрасовой, особенно после выхода сборника «Сестромам», часто подвергается критике.

Поэта, критика О. Демидова раздражают в ее прозе «неумело используемые тропы и фигуры речи, щедро рассыпанные по всему тексту и из оригинального обрамления превращающиеся в оригинальничание и поэтизмы» (Демидова, 2020). Е. Одинокова говорит о «тугости» некрасовского слова, называя ее язык «хоть и русским, но нечеловеческим» – «то ли звериным, то ли птичьим» – и приходит к выводу не об экспериментальности формы, а о насилии над ней: «С одной стороны, языковые игры и эксперименты это хорошо, с другой стороны, насилие над языком – это всегда плохо» (Одинокова, 2020). Но Е. Некрасова отдает себе отчет в разнородности речи и ситуации лабораторного поиска, его исследовательской незавершенности: «„Сестромам“ – мое собрание сочинений и языковая лаборатория. <...> Я давно ищу язык, которым можно говорить. Эти поиски прослеживаются в книге. Некоторые тексты написаны классически, некоторые в стилистике сказа, а некоторые и вовсе – долгие стихотворения, как заглавный „Сестромам“» (Некрасова, 2021).

Некрасова может писать и в реалистичной манере, и в сказовой, и лаконичным стилем, и намеренно усложняя или упрощая текст, и прибегая к приему хаотичного речевого потока, что подчеркивает вариативность приема, возможность осознанного выбора. Это реализует концепцию Ж. Деррида о присутствии множества стилей в феминном типе письма, стремлении к «междустильности» (Деррида, 1991).

Генезис «изломанного, обнажающего изуродованную сущность явлений» языка (Погорелая, 2020) критики видят в наследовании преимущественно А. Ремизову, занявшему в «Калечине-Малечине» важное место с точки зрения интертекстуальности, и А. Платонову. Некоторые из рецензентов в оценке идиостиля Некрасовой склоняются к намеренному подражательству и эпигонству («горе тому, кто взялся «писать под Платонова» (Топорова, 2020), другие – стремятся объяснить природу ее языковых экспериментов.

Видимое подобие стилистики речи, которое отмечают многие критики, позволяет исследовать на первый взгляд схожие, но гендерно отличные манеры письма. Для примера рассмотрим, как два автора – мужчина и женщина; представители маскулинного и феминного дискурсов – работают с образным оформлением концепта «солнце».

А. Платонов: «Утром было большое солнце, и лес пел всю гущей своего голоса, пропуская утренний ветер под исподнюю листву. Захар Павлович заметил не столько утро, сколько смену работников – дождь уснул в почве, его заместило солнце...»; «Сквозь туманы выбиралось солнце и медленно грело сырую остывшую землю» («Чевенгур»); «Солнце блестело на шелке ее платья и на волосах высыхали последние капли утренней влаги, которую она набрала в бурьяне» («Счастливая Москва»).

Е. Некрасова: «Солнце шкуруло кирпичи на клумбах, со стороны автобусной остановки летела бабочка»; «В змеиные семь все еще спали на досках, а уже *солнце белило двор*»; «Солнце *вращало прожекторами*, жир с шампуров лакировал траву, шипели стаканы из пластика»; «Москву уже *принялось осторожно лапать мартовское солнце*» (сборник «Сестромам»).

Как можно заметить, образность Е. Некрасовой в некотором смысле «сильнее» и «ярче», чем у Платонова. Писатель-мужчина сохраняет привычную семантическую сочетаемость субъекта и его действия; писатель-женщина ищет новые связи. Солнце у Е. Некрасовой будто перестает быть солнцем: оно шкурит кирпичи, белит двор, как рабочий; вращает прожекторами, как механическое устройство; лапает город лучами, как человек с низкой культурой поведения. При этом интересна непривычная связь наречия *осторожно* и глагола *лапать* (груб., вульг.), что подчеркивает поиск новой, парадоксальной для патриархатного дискурса сочетаемости.

Проводя сравнение художественных приемов А. Платонова и Е. Некрасовой, А. Жучкова выявляет различные принципы работы с образностью. Для Платонова, по мнению критика, характерны «нарушение привычных связей и установление новых валентностей», которые часто проявляются в линейной структуре фразы: например, переосмыслении сочетаемости предложения с предметно-пространственным миром на временной пласт. Для Некрасовой – фиксация на конкретно смыслах слов; работа с каламбуром, многозначностью, овеществленной метафорой (Жучкова, 2020), то есть делается упор не на синтаксические связи, а на лексические. Таким образом, у обоих писателей наблюдается нарушение привычных связей, но автор-женщина нарушает их сильнее, как бы усваивая патриархатный дискурс и при этом его же перерастая.

Среди свойственных А. Платонову приемов А. Жучкова отмечает инверсию, причастные обороты, канцеляризмы, у Некрасовой же – парцелляцию, короткие фразы (Жучкова, 2020). Использование парцеллированных высказываний выступает особенностью именно феминного типа письма, фиксирует его эллиптичность и фрагментарность. В текстах Некрасовой этот прием занимает одно из центральных мест и встречается во многих рассказах: «Сестромам – это страта любви. А Анечке казалось – трата времени и всенапряжение. Пора в гости к Сестромому» («Сестромам»); «В обход меня – хоть потоп, придумывал каждый из Потаповых. Говорили, что в их роду были попы, но в Бога они не верили. В себя, впрочем, тоже. Особенно друг в друга» («Потаповы»); «Мама Гали – пила. Пила иногда и пилила дочь по про замуж и прочее обязательное, на что горы совсем не способны. Галя-гора не жила с мамой, а ходила в комнату на Нагорной на ночь и в выходные» («Начало»); «Жена и женщина – жужжало в мозгу у Лужева. Ну жена. Ну женщина. Жонглировал: жена и женщина» («Поля»).

За счет дробления текста и повторов, которые можно отметить в процитированных отрывках, Некрасова акцентирует внимание на характеристиках персонажей. С помощью их повторения происходит более глубокое вхождение читателя в текст, а также появляется некое гипнотическое воздействие, вызванное ритмизацией текста и его рифмовкой, почти полным фонетическим совпадением, усиленной аллитерацией: *трата-страта*;

Потаповы-потоп-попы; тила-тила-тилила; Галя-гора-Нагорная; жена-женщина-жуужжалло-жонглировал.

Повторы фигурируют в некрасовских произведениях не только на уровне формы, но и содержания, что усиливает суггестивное влияние на читателя. Так, например, в рассказе «Маковые братья» слово «мак» и производные от него употребляются больше 15 раз, обретая символическое значение: «машина – красный мак с черными семечками внутри»; «рана-мак в щеке»; значки в виде маков, которые носили местные жители; «маковое побоище». В «Маковых братьях» образ мака предстает не тавтологией, а функциональным символом, который раскрывает свои мифологические подтексты – смерти, сна, женской красоты, любви, жертвенности, крови, девственности – по ходу сюжета.

Для Е. Некрасовой важна ассоциативная сторона текста, суггестия, звуковое и психологическое влияние на читателя, что достигается путем фонетических повторений, ассоциативных цепочек, использования фольклорных форм: быличек, заговоров, эпитетов. Тенденция к замещению и повторам наблюдается уже в именах героев, с помощью чего вокруг одного слова создается поле фонетически однородных понятий и таким образом задается образ персонажа: «Поля-полина-поля-поле»; «Галя-гора» – «Гора распалась на гальку», «Галька – галька скитающаяся»; «Катя катится-колошматится». В совмещении полярных смысловых концептов в одной метафоре проявляется эллиптичность феминного типа письма (живое/неживое: Потаповы-потоп; Галя-гора, Катя катится (как, например, мяч) и др.), заданная через звуковой уровень, что образует «буферную» семантическую зону: изначально происходит подбор характеристик за счет звуковых совпадений, и только затем они реализуются в смысловых концептах.

Совмещение живого и неживого миров у Е. Некрасовой происходит двунаправленно: олицетворение и, наоборот, овеществление. Е. Некрасова, как пишет М. Лебедева, «запускает излюбленную круговерть «вещи – люди – вещи» (Лебедева, 2021) («старуха, похожая на ком мятого тряпья» – кикимора в «Калечине-Малечине» с ее носом-закруткой тоже смахивает на тряпье, «Галя – гора ходячая», притворившийся мамой брошенный халат)). Этот прием работы с образами касается не только субъектов действия и объектов внешнего мира (Поля-поле; Галя-галька-гора; окно скалилось; штаны ползали и т. д.), но и метафоричности, построенной на соединении глагола и существительного: «Числа *склянками звенели* под Анечкиными извилинами», «*веткой потянула руку*», «*растворилась* ловко шипучим порошком», «*надутой жевательной резинкой вспухла* мозоль». По замечанию А. Жучковой, образность Некрасовой работает на воссоздание древнего анимизма в настоящем времени. При этом олицетворение-овеществление происходит на двух уровнях: через фонетические ассоциации (форма) и конкретные художественные сравнения (содержание).

Интересно, что проза Е. Некрасовой явно тяготеет к поэзии. А. Михеева называет сборник рассказов и повестей «Сестромам» поэтическим циклом, указывая на свойственную поэзии образность, фонетические приемы на фоне «распевного течения», фрагментарную структуру текстов и важность суггестии: «Рецензируя сборник рассказов, я вынуждена была бы говорить о

рыхлой фабуле, вязких повторах, сбоях в развитии сюжетов, отсутствии сквозных героев и единой географии во вроде бы сплошном хронотопе, о невнятной фантастической составляющей. К поэтическому (хоть и не стихотворному) циклу эти претензии предъявлять бессмысленно, и на передний план выходят совершенно другие критерии. От прозаических текстов мы привыкли ждать логики (не обязательно обыденной) в развитии нарратива. В прозаическом сюжете куда важнее яркость и суггестивность» (Михеева, 2020). «Поток мыслей», «хаос речевого потока», «ассоциативный хаос», «морок», «бормотание», обрывочный и извилистый речевой рисунок – через такие категории рецензент характеризует прозу Некрасовой, что четко отражает особенности феминного дискурса по Э. Сиксу: «неиерархизированный поток», «длящийся и потому существующий, не стремящийся к разрешению конфликта, к детерминации и «завершению» объекта, к пониманию и нахождению истины» (цит. по: Воробьевой, 2013, с. 183–184). Эллиптичность текста проявляется не только в использовании средств художественной выразительности (повторы, парцелляции, «вязкие повторы», непривычная метафоричность), но и в композиции («рыхлая фабула», «сбои в развитии сюжета», отрывистость, фрагментарность).

На передний план также выходит эмоциональное переживание как существенная поэтическая составляющая. Она тоже реализует тенденции анимизма. Как замечает А.В. Громова, происходит одушевление и эмоций: «Например, в сцене, когда изгнанная из школы Катя с ужасом ожидает прихода родителей, персонифицируется преследующий ее страх: «Страх подсел рядом и стиснул Катю в объятиях. Она вырвалась, вскочила, понеслась на кухню и закрыла там дверь. Страх заглядывал через матовое стекло»; «страх вполз уже в кухню, но затоптался у двери», «страх двинулся на Катю»; «страх уже пошел близко и морозно дышал на щиколотки» (Громова, 2019, с. 274).

Эмоциональность, присущая феминному дискурсу, возникает у Некрасовой в собственно авторском тексте снова через многократные повторы, похожие на бормотание, морок, и «артикуляционное наваждение» (Михеева, 2020), не относящиеся к речи героев, но при этом отражающие их душевное состояние, однако состояние, словно лишенное пола, которое может относиться к любой гендерной субъектности. И в «Калечине-Малечине», и в сборнике рассказов «Сестромам» повествование строится на концепции травмы: либо фактически бесполой – как в «Калечине-Малечине»; либо женской, но не личной индивидуальной, а общественной: насилие, угнетение, быт, проблемы патриархата и т. д. Переживание травмы развивается на уровне речи и сюжета.

По замечанию Е. Погорелой, «поскольку некрасовские герои по преимуществу бессловесны и речевая рефлексия им, обитателям спальных районов и затхлых пятиэтажек, нисколько не свойственна, на помощь приходят органично прорастающие из окружающего их корявого быта заплачки и разговоры, потешки и приговорки» (Погорелая, 2020). В прозе Некрасовой речь героев действительно часто уходит на второй план: ее либо замещают фольклорные формы, либо уже отмеченная передача состояния с помощью авторского текста. В рассказе «Сестромам», следуя мысли Михеевой, большинство эпизодов написаны от третьего лица, но «как бы изнутри восприятия

персонажей», сквозь их субъективное мироощущение: «Никакого шва, никакой границы между «Анечка встает, Анечка шагает» и потоком мыслей и самооправданий самой Анечки нет. Здесь же, в продолжающемся описании «дневных» действия Анечки, крутятся сны, галлюцинации и грозные чудеса» (Михеева, 2020). В «Калечине...» заговаривание, распадающийся поток текста накатывает в моменты страдания и беспомощности главной героини, а во время эпизодов, когда она возвращает контроль над собой, речь и мышление Кати становятся рациональнее, что тоже влияет на отображение автором внешнего мира, но не речевой характеристике персонажа.

На сюжетном уровне травма переживается также не психологически, не через феминную саморефлексию, как например в прозе А. Козловой (эпизод нахождения Марты в опасном лесу, нужный для переосмысления прошлого), а словно снаружи. Так, чтобы Кате преодолеть травлю одноклассников и безразличие родителей, Некрасова вводит в роман Кикимору. Во-первых, этот образ реализует фольклорные традиции, свойственные женской прозе, во-вторых, является телесным воплощением агрессивных эмоций героини, ее альтер-эго. Несмотря на то, что главная героиня Некрасовой – женщина, ее внутренний мир как таковой не раскрывается: в «Сестромаме» и «Калечине-Малечине» действительно мало феминной рецепции. Феминная субъектность у Некрасовой маркируется преимущественно на внешнем – языковом – уровне через тип письма, а не психолингвистическое изображение личности, при этом картина мира, в частности гендерная картинка мира подвергается явному переосмыслению, что свойственно женской прозе.

Фольклор и миф – центральные художественные парадигмы Е. Некрасовой – нужны писательнице не только для создания яркой анималистической образности, увеличения символических интерпретаций, приемов ритмизации текста и вживания читателя. Евгении Некрасовой необходимо обращение к мифу, возвращение к нему как к досоциальному явлению прежде всего для того, чтобы *преломить* миф и его традиционные ценности в сознании читателя.

Как уже было отмечено, в центре повествования Некрасовой практически всегда находится женщина: сильная, независимая от мужчины и противостоящая патриархатным установкам. Мужчина в женской прозе, как и свойственно герою противоположного для автора пола, занимает позицию второстепенного «внешнего объекта», Другого. Характерные для женской прозы мотив кризиса маскулинности и развенчание мифа о мужественности реализуются в творчестве Некрасовой в максимальной степени. Мужчина предстает бездеятельным, слабым персонажем, не способным содержать семью и позаботиться даже о себе, он может выступать агрессором и насильником («Лакшми», «Супергерой», «Павлов», «Калечина-Малечина») или потребителем чужих ресурсов: маменькиным сыночком, алкоголиком, безработным и т. д. («Поля», «Молодильные яблоки»).

Половая символическая картина мира, закрепившаяся еще в античности, поддерживает ассиметричную гендерную стратификацию и андроцентризм, то есть концентрацию на мужской культуре как универсальной жизненной модели. Некрасова же не вписывает своих героинь в неравноценную символическую культуру (как, например, это делает Л. Петрушевская, работая с

архетипами), а создает свой миф, базирующийся не только на славянской мифологии, но и мифологии других стран (например, в рассказе «Лакшми» фигурирует образ богини благополучия, изобилия и счастья индийской культуры: у главной героини отрастают дополнительные руки, чтобы она могла противостоять насилию мужа), что, во-первых, позволяет автору свободно менять иерархические установки, во-вторых, ломать заложенную изначально патриархатную картину мира – писательница возвращается в миф, чтобы исправить гендерное неравенство, реализуя в тексте феминистское мировоззрение. «Авторское «я» Некрасовой представляет собой поразительный синтез сказительницы и феминистки», – лаконично резюмирует критик (Войская, 2021).

Отсюда авторская попытка и перевоссоздать русский язык, андроцентричный по своей природе и направленный на передачу именно маскулинного взгляда. Некрасова переназывает «под себя» большую часть предметов и лиц, создает новые слова, прибегая к характерному приему реноминации: «сестромам» (старшая сестра вместо мамы), «дно твоё женское» (матка), «терпига» (вместо терпила), «учительницезавр» (учительница, подвергающая эмоциональному насилию), «гулливерия» (крупный город) и т. д.

Двукорневые образования («сестромам», «учительницезавр» и др.) словно фиксируют ситуацию ассоциативной пограничности, задавая семантику *между* словами и прямо следуя мысли Широковой: «отказываясь определять слово, авторы-женщины акцентируют свое внимание на том, что существует в промежутке речи, находится до слова, между словами» (Широкова, 2011, с. 92).

Переназывая с помощью причастий (процессуального признака) привычную антонимичную пару «выросшие – невыросшие» (взрослые – дети), Некрасова, во-первых, отражает процесс взросления (приближается к открытой абстрактной характеристике, ее незавершенности), во-вторых, переводит отношения из горизонтальных в вертикальные-иерархические, то есть за счет приставки *не-* создается ощущение одного нормированного понятия, а второго – отклоняющегося от нормы. Помимо этого, приставка *не-* носит характер отрицания, что тоже влияет на восприятие категории «невыросших». Таким образом понятие взрослости становится неустойчивым, что отражается и в сюжете романа: непонятно, кто взрослее – взрослые или дети. Интересно, что бинарная оппозиция с введением приставки *не-* и переходом из горизонтальных связей в вертикальные тоже смягчается, обретая отношения не противоположной семантики, а пограничной. Критик М. Лебедева описывает данное явление так: «Основная черта некрасовского мира – существование на границе, его зыбкая, как во сне, неопределенность и недооформленность. Застывшее в промежуточной стадии потенциально способно быть и тем, и другим, но на деле – неприкаянно болтается на стыке понятий. Полугород вовек городом не станет, невыросшие и годы спустя не обратятся во взрослых (здесь никто никогда не взрослый), сестромам – не мать и не сестра, ни рыба ни мясо. Мир пограничья, как в сказках и заговорах, утешает себя мнимой конкретикой; то, что искомая игла в яйце, а яйцо в утке, дарует иллюзию достоверности» (Лебедева, 2021).

Реноминирование происходит и на интертекстуальном уровне. В «Калечине-Малечине» Е. Некрасова использует одноименную песенку Ремизова в

качестве книжного «саундтрека», протянувшегося через все произведение. В романе ремизовский прыгающий некто с деревянной ногой и рукой, скрывающийся под наименованием детской игры, получает тело – становится Кикиморой, близким другом главной героини. Именно понимание кикиморы под номинацией «Калечина-Малечина» закрепляется в читательском сознании и как бы противостоит предыдущему контексту. Потому, на наш взгляд, цитирование не всегда выполняет функцию реноминации классической культуры с ироническим пафосом, как отмечала Воробьева. Скорее всего, это та же – серьезная – попытка писательницы *перерастить* традиционные («маскулинные») формы, включив их в свое произведение и наделив новым значением.

Таким образом, феминный дискурс в прозе Евгении Некрасовой задается прежде всего на первом уровне восприятия текста – через тип письма. Ее творчеству присущ ряд характерных особенностей, которые четко отражают тенденции феминного стиля:

Переназывание (реноминация); усиленная образность; использование фольклорных формы и приемов; разрушение бинарных оппозиций; эллиптичность (языковая и композиционная); поэтичность речи (ассоциативность, хаотичность, незавершенность, фонетическое и ритмическое оформление); интертекстуальность; эмоциональность.

Заключение

Рассмотрение литературы под углом зрения гендерной субъектности предполагает учет трех уровней художественного текста: типа письма, картины мира, изображение личности. Это позволяет увидеть текст в его целостности и предопределить его гендерную маркированность – «тяготение» к феминному или маскулинному дискурсу.

В феминном типе письма можно обозначить несколько основных параметров: усложнение образности (из-за чего тексты могут быть трудны для читательского восприятия и приближаться к поэтической речи); реноминация, которая проявляется в неустойчивости, условности слова-знака, стремлении к переназыванию «под себя», интертекстуальности; фрагментарность (языка и композиции), задающая эллиптичность текста; поэтичность речи (ассоциативность, хаотичность, незавершенность текста, фонетическое и ритмическое оформление); рефлексивность и эмоциональность.

Эти особенности нашли отражение в современной женской прозе как историко-типологической категории, рассмотренной на материале творчества Е. Некрасовой.

Феминный дискурс как способ гендерного маркирования текста в ее творчестве базируется именно на типе письма – непонятном для многих критиков, но фактически в гиперболизированной, непривычной степени реализующим тенденции феминного дискурса. Картина мира Некрасовой тяготеет к поэтической структуре: эллиптическая композиция, «рыхлая фабула», «сбои в развитии сюжета», отрывистость, фрагментарность, незавершенность текста. Изображение личности, несмотря на наличие феминной рецепции, осуществляется на внешнем уровне – отображении проблем женского мира через видоизменение гендерной общественной структуры, а не с точки зрения женской психологии и саморефлексии автора.

«Женщина говорящая» все чаще становится не только объектом изображения, но и субъектом речи. Женская проза активно набирает позиции в литературном процессе и предстает одним из наиболее актуальных предметов для изучения. Современные писательницы продолжают искать себя и свой индивидуальный стиль

Список литературы

- Войская А., Хорват Ф. Алла Войская и Филипп Хорват о книге Евгении Некрасовой «Сестромам»: рецензия // *Textura*. <http://textura.club/vis-s-vis-sestromam/> (дата обращения: 12.05.2021).
- Воробьева С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории дискурса // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2013. № 1. С. 180–187.
- Громова А.В. Образ антимира в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» // Пушкинские чтения – 2019. *Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIV Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 года)* / отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2019. С. 269–278.
- Демидов О. Мамины пятки и ядовиты клики академика Павлова: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/maminy-pjatki-i-jadovitye-kliki-akademika-pavlova/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // *Философские науки*. 1991. № 3. С. 114–129.
- Жучкова А. Евгения Некрасова «Сестромам»: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/evgenija-nekrasova-sestromam-3/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Лебедева М. Не говорят «ад», говорят «здесь»: рецензия // *Прочтение*. URL: <https://prochtenie.org/reviews/29933> (дата обращения: 17.05.2021).
- Михеева А. Речь их, как кисти слепых повитух: рецензия // *Новый мир*. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7470/Default.aspx (дата обращения: 16.05.2021).
- Некрасова Е. Полка писателя: Евгения Некрасова (интервью) // *Mybook*. URL: <https://mybook.ru/sets/9655-polka-pisatelya-evgeniya-nekrasova> (дата обращения: 16.05.2021).
- Одинокова Е. Магический феминизм против абьюза, буллинга и Сестромама: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/magicheskij-feminizm-protiv-abjuza-bullinga-i-sestromama/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Погорелая Е.А. Человек очеловечивающийся. Евгения Некрасова // *Вопросы литературы*. 2020. № 4. С. 78–91.
- Топорова А. Рецензия на книгу Анну Козловой «Рюрик» // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/anna-kozlova-rjurik-2319/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Широкова Е.В. В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2011. № 4. С. 90–96.

References

- Demidov, O. (n.d.). Mother's heels and the poisonous cliques of Academician Pavlov: Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/maminy-pjatki-i-jadovitye-kliki-akademika-pavlova/>

- Derrida, J. (1991). Spurs: Nietzsche styles. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, (3), 114–129. (In Russ.)
- Gromova, A.V. (2019). The image of the anti-world in Evgenia Nekrasova's novel "Kalechina-Malechina". In T.V. Maltsev (Ed.), *Pushkin Readings – 2019. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: Materials of the XXIV International Scientific Conference (St. Petersburg, June 6–7, 2019)* (pp. 269–278). St. Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University.
- Lebedeva, M. (n.d.). Do not say "hell," they say "here": Review. *Prochtenie*. (In Russ.) Retrieved May 17, 2021, from <https://prochtenie.org/reviews/29933>
- Odinokova E. (n.d.). Magical feminism against abuse, bullying and Sestromam: Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/magicheskij-feminizm-protiv-abjuza-bullinga-i-sestromama/>
- Mikheeva, A. (n.d.). Their speech is like the brush of blind midwives: Review. *New World*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7470/Default.aspx
- Pogorelaya, E.A. (2020). The human being. Evgenia Nekrasova. *Questions of Literature*, (4), 78–91. (In Russ.)
- Shirokova, E.V. (2011). In search of a feminine discourse: Aesthetic and poetic experiments in Russian women's prose of the late twentieth century. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, (4), 90–96. (In Russ.)
- Toporova, A. (n.d.). Review of Anna Kozlova's book "Rurik." *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/anna-kozlova-rjurik-2319/>
- Voiskaya, A., & Horvath, Ph. (n.d.). Alla Voiskaya and Philip Horvath about Evgenia Nekrasova's book "Sisters": Review. *Textura*. (In Russ.) Retrieved May 12, 2021, from <http://textura.club/vis-s-vis-sestromam/>
- Vorobyeva, S.Yu. (2013). The problem of "women's writing" in the context of the theory of discourse. *Bulletin of the Volga. Series 2: Linguistics*, (1), 180–187. (In Russ.)
- Zhuchkova, A. (n.d.). Evgenia Nekrasova "Sisters": Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/evgenija-nekrasova-sestromam-3/>

Сведения об авторах:

Корочкина Дарья Николаевна, студентка, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: korochkina.darya@mail.ru

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, кафедра русской и зарубежной литературы, филологический университет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Bio notes:

Daria N. Korochkina, student, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: korochkina.darya@mail.ru

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru